

RU

Генезис и развитие адыгской литературы: проблемы стадияльных состояний и периодизации

Гязов И. В.

Аннотация. Цель исследования - решение проблемы стадияльных состояний и периодизации адыгской литературы. Научная новизна работы заключается в определении не одного (все довоенные десятилетия), а двух периодов активного взаимодействия с русской культурой. В результате выявлено, что атрибуция первого этапа эволюции адыгской советской литературы должна основываться на идеологических началах. В наиболее оптимальном виде она может быть произведена лишь в координатах донорно-акцепторных соотношений с русской советской словесной традицией и всей системой соцреалистической культуры, действительно определявших нормы эстетических представлений национальных писателей.

EN

Genesis and Development of the Adyghe Literature: Issues of Stage States and Periodisation

Gyazov I. V.

Abstract. The purpose of the research is to solve the issue of stage states and periodisation of the Adyghe literature. Scientific novelty of the work lies in identifying not one (which is all the pre-war decades) but two periods of active interaction with the Russian culture. As a result, it is found that attribution of the first stage in evolution of the Adyghe Soviet literature should be based on ideological principles. Ideally, it can be made only within coordinates of donor - acceptor relations with the Russian Soviet verbal tradition and the entire system of the socialist realist culture, which really defined norms of national writers' aesthetic beliefs.

Введение

Актуальность поднятой в работе темы обусловлена некорректностью существующего на сегодняшний день подхода к периодизации новописьменных литератур, к последствиям которого можно отнести и разночтения в оценке и трактовке современных художественных текстов. В контексте современных глобализационных процессов особое значение приобретает системный подход к оценке интеграции инокультурных элементов в пространство этнических этико-эстетических представлений, к отражению данного явления в литературе – как в форме художественного авторского осмысления проблемы, так и в смысле эволюционных изменений архитектоники и образности произведений. Анализ стадияльных изменений национальной литературы видится обязательным этапом в изучении адаптивных ресурсов адыгской художественной словесности, её резистентности и перспектив.

Задачи исследования заключаются в решении вопроса о состоятельности принятой хронологии развития литератур адыгских народов на первых этапах их эволюции, описании основных теоретических подходов в понимании концептуологии и структуры адыгской прозы в контексте её эволюции, определении генерационной специфики адыгской художественной словесности, атрибуции эволюционных состояний адыгской прозы.

Реализация задач невозможна без применения особых методов, заключающихся в сопряжении исследовательских моделей сравнительного анализа с историческими реконструктивными схемами.

Теоретической базой исследования по проблеме периодизации новописьменных литератур явились труды Ч. Гусейнова, впервые заговорившего о некорректности существующей классификации «новописьменных» литератур [4], Г. Д. Гачева [3], сформулировавшего основные положения о характере их развития, А. Х. Мусукаевой [9], предложившей онтологическую типологию северокавказского романа, З. Х. Толгурова [13], в монографиях которого было сформулировано и обосновано положение об иницирующей роли фольклорных формантов в эволюции национальных литератур, фундаментальные исследования целого ряда других учёных: Г. Ломидзе [7], У. Далгат [5], З. Налоева [10], Т. З. Толгурова [14], А. Боровой, М. Хакуашевой [16].

Практическая значимость исследования видится в использовании некоторых положений и выводов в практике преподавательской деятельности в вузах и школах страны, в лекционных курсах по литературе народов России, а также спецкурсах, посвященных истории адыгских литератур.

Литературоведческий дискурс новописьменных литератур

Адыгская литература традиционно относится к так называемым новописьменным, и этот статус во многом определяет её основные дефинитивные черты в общероссийском региональном и национальном литературоведении. Возникнув в своём первоначальном виде как сугубо классификационное понятие, данный термин стал в конце концов соотноситься с целым комплексом сопутствующих признаков и самым прямым образом участвовать в формировании общих подходов и методов анализа и оценки национальных литератур, несмотря на явно выраженный несистемный, эмпирический характер определения «новописьменный» [4, с. 36-43]. В основе современной классификации собственно новописьменных литератур лежит подход А. Толстого, делившего всё многообразие национальных литератур на три больших типа, причём его систематизация учитывала в основном «признаки социально-экономического характера» [15, с. 557]. Понятно, что один из классиков советской прозы совершенно не учитывал тысячелетнюю историю целого ряда народов, имевших многовековую историю национальных литератур.

На протяжении всей истории существования сообщества литератур народов СССР их эволюционный статус рассматривался в тесной связи с актуальным социально-экономическим состоянием общества [12, с. 247]. Именно с этой точки зрения проводилась периодизация конкретных литературных систем. По всей видимости, в качестве реакции на такое вульгаризированное понимание культурных процессов, протекавших в регионе, национальное литературоведение обратилось к истолкованию внутренних дифференциальных черт и признаков словесной традиции. «Константой и мерилем развитости при этом стала степень зависимости авторской литературы от фольклора» [5, с. 37-38].

Мощнейшее влияние на национальную теоретическую мысль в той части, которая занималась атрибуцией литератур в качестве новописьменных, оказала теория «форсированного» развития, сформулированная в трудах Г. Д. Гачева [3]. На Северном Кавказе целый ряд исследователей счёл возможным адаптировать её положения к задачам периодизации и осмыслить различные стадии взаимодействия донорной и новописьменных литератур в качестве этапов эволюционного развития последних. Так, к слову, базой в типологии северокавказского романа, предложенной А. Мусукаевой, явно лежит оценка характера того контента, который поступал в «эстетическое сознание горских народов на протяжении всех лет советской власти» [9, с. 12].

В методологическом плане ближе всех к адекватному пониманию механизмов взаимодействия русской и новописьменных литератур и, соответственно, периодизации последних подошли сразу несколько региональных учёных – К. Шаззо, З. Толгуров, Ю. Тхагазитов, ряд других. Положения их трудов о реализации в национальных литературах нескольких последовательных этапов – безальтернативного конфликта, дидактико-просветительского, идеологически утилитарного – в принципе исходят из понимания систематизационной роли культурных заимствований [13].

Специфика адыгской художественной словесности

Говоря о литературе адыгских народов, мы вынуждены оговаривать целый ряд моментов, так как ни в одной из своих составляющих традиции нашей словесности не «вписываются» ни в одни строгие квалификационные рамки. То есть современная наука относит адыгские литературы к новописьменным в полном смысле этого слова – игнорируются не только дореволюционный опыт просветителей, официально признанных основоположников национальных литератур, но и творческие практики целого института профессиональных авторов-джегуако, имена многих из которых сохранены коллективной памятью народа. Более того, словесность адыгских народов начинается с весьма обширного и подробно разработанного эпического свода «Нарты» – не считая, естественно, текстов ритуальных и магических, приуроченных к тем или иным языческим практикам. Наличием цельного и законченного эпического свода не могут похвастаться некоторые старописьменные народы, поэтому новописьменность адыгов достаточно условна.

Адыгская культура совершенно определённо принадлежит северокавказскому цивилизационному ядру, она несёт в себе свидетельства «родства с древнейшими автохтонами региона – обитателями античного культурного ареала» [2, с. 128].

Одновременно с этим сам язык и презентативные формы словесной культуры адыгских народов могут оцениваться и как носители наиболее древних черт лингвистического эволюционного процесса, и как молодые в историческом плане. Говоря иначе, культура адыгских народов погранична во всех смыслах и компонентах, ряд аргументов по этому поводу можно продолжать и в ареальном измерении, и в социальном и так далее.

Естественно, в размышлениях об автономных и внутренне значимых признаках актуального положения литературной традиции учитывается и внешнее воздействие – в полном соответствии с теорией ускоренного развития, которая вполне корректно описывает механизмы и принципы этого развития. Однако заимствованные черты и свойства эстетического мышления оцениваются в этом случае постфактум, как уже интегрированные компоненты. В этой системе координат советская литература адыгов видится как многосоставной феномен,

начинавшийся как художественное отражение безальтернативного конфликта, типологическая цельность которого распространялась и на концептуальное, идейное содержание произведений, и на его образный ряд.

Эволюционные состояния адыгской прозы

Классовый конфликт полностью задаёт однозначную дихотомию аксиологии произведений – герой положителен, так как принадлежит к угнетённым классам, и наоборот. Данный этап развития национальных литератур Северного Кавказа всеми исследователями оценивается приблизительно одинаково, причём его основной доминантой в части выразительности признаются прямые включения фольклорных элементов, обеспечивающих рефлексивную достоверность и функциональность символических заимствований и концептов идеологического характера.

Сам принцип абсолютного «разнесения» героев и читательских симпатий в соответствии с классовым статусом считается заимствованным из фольклора горских народов. Однако, на наш взгляд, при выяснении этого вопроса необходимо оглядываться на опыт русской советской прозы, авторский корпус которой был достаточно далёк от своей этнической основы и устного народного творчества. Тем не менее русскоязычный опыт первого десятилетия существования советской власти буквально зиждется на полностью идентичных образах борцов за новый строй, имеющих множество общих черт даже в описаниях внешности.

Сюжетное строение фольклорных текстов адыгов также даёт основания для размышлений по поводу разности-упрощённости новой советской и национальной традиции словесного творчества. Во всяком случае, не говоря даже о волшебных сказках горских народов Северного Кавказа, уже в эпических сказаниях мы сталкиваемся с примерами выхода их сюжета из рамок строгой нарративной целесообразности.

К слову, в сказании «Как Тлепш выковал меч для Сосруко» [11, с. 192-194] абсолютно неоспоримо присутствуют сразу несколько онтологических блоков – история спора трёх братьев, волшебное мастерство Тлепша, сакральность кузнечного ремесла и, наконец, появление в эпическом пространстве раритетного оружия-маисы и его окончательно оформившегося носителя – Сосруко.

Сюжет данного сказания имеет сразу несколько точек возможного ветвления – после периода «спора братьев» может быть опущен эпизод с военным ресурсом героя, а после его презентации развитие мотива сакральности кузнечного искусства видится совершенно излишним.

Также «нецелесообразен» сюжетный ход, связанный с «двумя славными стариками Тхакуаховыми» в сказании «Сосруко» [Там же, с. 200]. Даже не обращаясь к подробному разбору мотивации поступков героев, мы видим, что онтология сказания полицентрична – выявление воинского поведенческого императива и соответствующей роли Сосруко в эпическом сообществе совершенно не связано с мотивами смертельных ножниц, спасения Озырмеджа, запрета обрядов геронтоцида, обретения новой этики и т.д.

Приём изолированной, констатирующей вставки характерен для фольклорных систем практически всех народов. Он восходит к мифологической дискретности окружающего мира, необходимой для нормального его восприятия, в момент отказа от панхронического созерцания. Отсюда было бы правильным утверждать, что фольклорная компонента молодых национальных литератур проявлена не в конкретных образах, особенностях сюжетного строения и других структурах, имеющих когнитивное значение. Традиция народной словесности фиксируется, скорее, в самих принципах аксиологической типологизации героев. Но даже оценка их в координатах безальтернативного деления на положительных и отрицательных, свойственная первым произведениям национальных литератур, видится регрессивным шагом по сравнению с фольклорными образцами.

Анализ ситуации в адыгской довоенной литературе осложнён тем обстоятельством, что относительно нарративных прозаических навыков народ находился в совершенно особом положении: он их фактически не имел – если, конечно, учитывать тот очевидный факт, что творчество дореволюционных просветителей было изъято из внутриэтнического оборота. Стихотворная же версификация была органичной частью повседневной культуры и даже быта. По всей видимости, уже к середине XIX века практики песенного стихосложения перестали быть прерогативой аристократических слоёв адыгского социума, хотя до этого основной корпус джегуако составляли выходцы из сословия уорков [10].

Вероятно, поэтому поэзия адыгских советских авторов имеет достаточно чёткую хроно-эволюционную локализацию. Лирический нарратив – в смысле «технологии» воспроизводства текста – советского периода был органичным продолжением стихотворных навыков, находившихся в постоянном обращении в этническом эстетическом сознании. Поэтические национальные практики, имевшие глубокую базу в традициях устного творчества, последовательно развивались, адаптируясь к сиюминутным требованиям партии и государства, уже в последнее предвоенное десятилетие представ в художественно значимом и высокопрофессиональном виде – творчество А. Шогенцукова, А. Кешокова, М. Паранука, Ц. Теучежа не оставляет сомнений в этом вопросе.

А художественная проза адыгских народов выстраивалась в системе последовательно сменявших друг друга идеологических требований партии – и выстраивалась с «полного нуля». Однако принятие этой точки зрения ставит перед нами сразу несколько проблем, главные из которых – во-первых, атрибуция стадий влияния «советской» литературы на национальную, а во-вторых, хронология этого процесса. Поясним нашу мысль. Первичное, далёкое от литературного, давление на национальные литературы происходило на уровне прямого вмешательства партии в творческий процесс. Сама возможность и необходимость вмешательства подобного рода были обоснованы ещё в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, [8, с. 7], а окончательный вид приобрели в работах В. Ленина, провозгласившего принцип «партийности литературы» [6, с. 100] в самой жёсткой и недвусмысленной форме.

Идеологическая линия партии большевиков должна была в обязательном порядке сказываться на содержании литературных произведений – вплоть до различного рода кампаний типа «Долой безграмотность» или движения за «раскрепощение» женщины. «На Северном Кавказе это был достаточно объёмный поток с заданной проблемой и заранее определённым идеологическим конфликтом» [9, с. 105].

Поэтому, учитывая характер инокультурного влияния на эстетическое сознание представителей новописанных литератур в качестве основного параметра периодизации, мы должны исходить из масштаба мотивационных идеологических воздействий. Линия партии всегда определялась в соответствии с учением о базисе и надстройке, реальной социально-экономической ситуацией в стране. Поэтому уже в той эволюционной стадии, которая в большинстве исследований определяется эмпирически и хронологически ограничивается 20-30-ми годами XX столетия, необходимо вычленять совершенно самостоятельный этап развития.

Заключение

В нашем понимании произведения, посвящённые описанию событий революции и Гражданской войны на Северном Кавказе и написанные до Великой Отечественной войны, представляют собой особые, самостоятельные этапы развития национальной прозы. Первые, по сути, отражают тот момент функционирования государства, который знаменуется отсутствием идеологической борьбы и идеологии как таковой. Это время не идеологического, а открытого военного конфликта, время выживания любой ценой, время перехода от выживания к победе и в мировоззренческом аспекте – промежуток тотальной толерантности в границах вынужденной целесообразности. Императивом и единственным посылом была не философская формула, а, скорее, диктат инстинкта самосохранения, сформулированного в виде лозунга «победить» или «победить любой ценой». В произведениях этого этапа ожидаемо отсутствуют внутренне обоснованные мотивы и причины вражды героев произведений. В этом чаще всего видят следствие «фольклорного» подхода, однако считаем возможным указать на то простое обстоятельство, что немотивированный, алогичный конфликт характеризует не столько позднефольклорное мышление, и даже не эпическое. Он свойственен мифу, то есть является принадлежностью доэтнического и догосударственного общественного устройства, а по большому счёту автономный немотивированный конфликт восходит к самым примитивным формам организации общества, которые можно условно назвать потестарными.

Аксиологический статус героев первых прозаических произведений адыгских авторов может быть связан с фольклорными стереотипами – полностью отрицать этого нельзя. Однако в гораздо большей степени принципы типизации ранних форм национальной прозы были обусловлены доминантной идеей советской литературы, тем идеологическим контентом, который транслировался в культуру народов партийным руководством в зависимости от актуальных потребностей государства. К слову, трудно не заметить решающего влияния идеологической посылки даже в описании внешности – элементе, чаще всего используемом в качестве аргумента сторонниками «фольклорного» подхода. Да, враги советской власти часто уродливы. При этом подразумевается, что они напоминают отрицательных героев эпоса и поздних произведений устного народного творчества.

Но в самом адыгском фольклоре достаточно редко встречаются образцы оценочной предопределённости, заданной внешностью персонажа – последние статуируются, исходя из национально-культурных критериев, по отношению к ним обычно употребляются определения морально-этического плана: «хвастуны», «трусы», «предатели», «злодеи» и так далее. Соответственно, и в авторской прозе первых десятилетий существования нового государства внешность героев обусловлена не столько фольклорными стандартами описания, сколько актуальным пониманием его роли в контексте пропагандируемой идеологии.

Возвратимся ещё раз к поставленной проблеме – принятие насыщенности текстов фольклорными архетипами в качестве главного критерия периодизации резко осложняет задачу исследователей. Во-первых, фольклорное происхождение многих элементов, которые, несомненно, считаются таковыми, как минимум сомнительно – даже принципы внешнего описания, по нашему мнению, конкретно в национальной традиции не зафиксированы в качестве системных. Во-вторых, если говорить о перенесении каких-то фольклорных архетипов в ранние формы адыгской прозы, то полностью это может относиться лишь к биполярному пониманию мира, к дихотомии «свой – чужой». Однако как раз этот эстетический и мировоззренческий принцип задавался также и идеологией большевизма, диктовавшей понимание не только жизни, но и жёстко навязывавшей стандарты эстетических оценок, сплошь и рядом – вопреки реальности [1, с. 58].

Вопрос о том, насколько нарративные практики первых адыгских писателей зависели от этнических (фольклорных) рефлексивных стандартов, а насколько – от инокультурного воздействия, можно считать дискуссионным и далее. Но, взяв за основу типологию и характер внешних заимствований, мы сможем снять существенный изъян принятых сегодня воззрений на проблему хронологического и эволюционного развития адыгской прозы. Ведь все существующие на сегодняшний день взгляды относят начало второго этапа развития национальной литературы к 50-60-м годам прошлого века.

Между тем уже в конце указанного периода – в начале 70-х – с появлением ряда произведений И. Машбаша, А. Кешокова национальная проза явно вступила в новую фазу. Оспорить этот факт невозможно, но признание его автоматически влечёт за собой серьёзные теоретико-методологические последствия. Даже учитывая возможность так называемого «чрезэтапного» скачка [7, с. 153-155], о котором говорилось в трудах советских учёных, разрабатывавших теорию ускоренного развития, мы фактически должны будем исключить второй этап развития этнической прозы из её истории. Целый этап не может укладываться менее чем в одно

десятилетие, либо необходимо признать вступление национальной литературы в третью стадию чисто феноменологическим и оставить в рамках второго этапа всё написанное адыгскими прозаиками, исключая всего несколько произведений, наиболее прогрессивных в эволюционном плане.

Описание и исследование новописьменных литератур, в частности адыгской, традиционно соотносятся в советском и современном российском литературоведении со стадиями идеологического осмысления социума. Именно идеологический дискурс во многом способствовал недифференцированному подходу к литературам народов Северного Кавказа и отнесению таковых к «новописьменным» без каких-либо различий. Между тем начальные формы эстетического осмысления действительности, описывающие события революции и Гражданской войны, отмечены семантикой безальтернативного немотивированного конфликта и в этом смысле идеологическими могут быть названы лишь условно.

Фольклорные элементы, использовавшиеся в художественных текстах первых десятилетий существования советской власти, по своей общей семантической архитектуре и эволюционному состоянию были более развитыми, нежели культурные заимствования социалистической формации. То есть фольклорное начало не могло быть причиной опрощения нарратива и когнитивики первых советских текстов, ибо в архитектурном плане фольклорная эстетика попросту сложнее эстетики классового искусства. Альтернативный подход, в общеметодологическом аспекте заложенный в самой концепции «ускоренного» развития, заключается в координации типа и характера донорных заимствований с разграничением периодов развития национальных литератур. Большинство северокавказских исследователей, так или иначе, использовали положения теории Г. Д. Гачева [3] при анализе литературного контекста региона, но в части периодизации фактически игнорировали принцип форсированного развития, актуализированный в процессе заимствований архетипов из русской и мировой литературы.

Перспективы исследований видятся в дальнейшем изучении, уточнении и коррекции целого ряда положений теории «ускоренного развития» литератур.

Источники | References

1. Анисимов И. Новая эпоха всемирной литературы. М.: Советский писатель, 1966. 688 с.
2. Бетрозов Р. Ж. Этническая история адыгов: с древнейших времён до XVI века. Нальчик: Эльбрус, 1996. 248 с.
3. Гачев Г. Д. Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. М.: Художественная литература, 1989. 431 с.
4. Гусейнов Ч. Этот живой феномен. М.: Советский писатель, 1988. 432 с.
5. Далгат У. Литература и фольклор. М.: Наука, 1981. 304 с.
6. Ленин В. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М.: Политиздат, 1969. Т. 12. 573 с.
7. Ломидзе Г. Интернациональный пафос советской литературы. М.: Советский писатель, 1970. 336 с.
8. Марков Д. Проблемы теории социалистического реализма. М.: Художественная литература, 1978. 352 с.
9. Мусукаева А. Северокавказский роман. Нальчик: Эльбрус, 1993. 191 с.
10. Налоев З. Институт джегуако. Нальчик: Тетраграф, 2011. 408 с.
11. Нарты. Адыгский героический эпос / сост. А. И. Алиева, А. М. Гутов, А. М. Гадагатль, З. П. Кардангушев; вступ. ст. А. Т. Шортанова. М.: Наука, 1974. 416 с.
12. Пригодий М. Октябрь и советская литература. Из истории формирования всесоюзной общности литератур. К.: Наукова думка, 1977. 389 с.
13. Толгуров З. В контексте духовной общности. Нальчик: Эльбрус, 1991. 286 с.
14. Толгуров Т. З. Эволюция тканевых образных структур в новописьменных поэтических системах Северного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 310 с.
15. Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1961. Т. X. 712 с.
16. Хакуашева М. А., Борова А. Р. Неомифологизм современной адыгской литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59). Ч. 1. С. 23-26.

Информация об авторах | Author information

Гязов Ислам Витальевич¹

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик

Gyazov Islam Vitalievich¹

¹ Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik

¹ g10512@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 28.02.2021; опубликовано (published): 31.05.2021.

Ключевые слова (keywords): северокавказская литература; А. Кешоков; адыгский роман; проблема периодизации; новописьменные литературы; North Caucasian literature; A. Keshokov; Adyghé novel; periodisation issue; newly scripted literatures.